

ИЗЪ ДНЕВНИКА ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА.

2-го Января 1880 г. Пробѣлъ и перемѣна. Я теперъ предсѣдатель Комитета Министровъ и Комиссіи Прошеній, вмѣсто скончавшагося графа Павла Игнатьева. Министерство Государственныхъ Имуществъ сдать князю Ливену.

3-го Января. Сегодня обѣдалъ у Государя съ графомъ Милютинымъ, княземъ Урусовымъ, ген.-лейтенантами Крыжановскимъ, Колпаковскимъ и Горловымъ. Послѣднихъ двухъ видѣлъ, кажется, въ первый разъ. Колпаковский—явно способная личность извѣстной руки. Горловъ произвелъ на меня впечатлѣніе чловѣка разсудительнаго и наблюдательнаго, безъ свѣтскаго лоска; онъ лучше всего заобѣденнаго синклита оцѣниваетъ Англійскія и Американскія дѣла. Въ немъ нѣтъ ни нашего глупаго Америкофильскаго пошиба, ни столь же глупаго пошиба Англофобіи.

Благодарилъ Государя за то, что онъ позволилъ мнѣ отклонить несвоевременно и неразумительно предложенное, по почину министра финансовъ, пожалованіе земли. Мнѣ вовсе не подѣе стать давать поводъ къ нареканіямъ въ ту минуту, когда я сажусь въ предсѣдательское кресло Комитета Министровъ и когда нравственный авторитетъ мнѣ тѣмъ болѣе нуженъ, что ни на какой другой я не могу съ увѣренностью рассчитывать. Починъ Грейга объясняется тѣмъ, что у него осталось, такъ сказать, на совѣсти послѣ нашихъ объясненій (слишкомъ годъ тому назадъ) насчетъ пожалованныхъ ему самому лѣсныхъ дачъ въ Царствѣ Польскомъ. Эти дачи цѣнностью далеко за $\frac{1}{2}$ милліона (какъ говорятъ, до 900 т. р.), и даже пожалованныя т. с. Шамшину, имъ проданы за 350 т. р. То и другое пожалованія испрошены бывшимъ министромъ финансовъ Рейтерномъ, почему и для чего, въ точности не знаю. Мнѣ бы теперъ дали какія нибудь земли въ Уфимской

губерніи, послѣ всѣхъ бывшихъ о такихъ пожалованіяхъ толкахъ. Цѣнность дара была бы т.—70, а криковъ поднялось бы на милліонъ, и я сталъ бы на одну доску съ Грейгомъ, Шамшинымъ, №№; которому я самъ просилъ пожалованія и который съумѣлъ подъ рукою выбрать себѣ участки довольно цѣнные, чегò я конечно не могъ бы ни сдѣлать, ни позволить сдѣлать. *Pas si paif*¹⁾). Я на отрѣзъ отказался.

6-го Января. Здѣшній ген.-губернаторъ въ особенности загадочно бездѣятеленъ. Генераль Дрентельнъ сообщилъ мнѣ весьма замѣчательную работу, исполненную для III-го Отдѣленія неназваннымъ мнѣ лицомъ²⁾): „Очеркъ соціально-демократическаго движенія“. Возвратилъ ее сегодня при запискѣ, въ которой выразилъ свое мнѣніе.

7-го Января. Обѣдалъ у Государя съ Ливеномъ (*son premier Lundi*), Абазою, Деляновымъ, Титовымъ, Кумани (кажется, онъ теперь посланникомъ въ Болгаріи). Государь приказалъ быть у него въ Среду, если не поѣдетъ на охоту. Зачѣмъ? Не моя записка-ли 1863 года получаетъ ходъ? Товарищемъ князю Ливену назначается Куломзинъ. Довольно хорошій выборъ, если педантизмъ и мелочность не помѣшаютъ.

9-го Января. Сегодня былъ у Государя. Дѣло дѣйствительно идетъ о моей запискѣ 1863 года съ ея приложеніями. При этомъ случаѣ Государь прочиталъ *исчезнувшую* съ 1866 года записку Великаго Князя ген.-адмирала (Константина) приблизительно по тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узкость ихъ въ глазахъ Государя составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ княземъ Урусовымъ. Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія, конечно при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, шефѣ жандармовъ и пр. Присутствовавшій Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію *status quo*³⁾ и всякій „конституціонализмъ“ считаетъ гибельнымъ. Явно также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ Имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно-столичными бреднями, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году (1879) высказалъ во всеподданнѣйшей запискѣ: *que le mot „constitution“ ne devait même pas être prononcé*⁴⁾. Государь передалъ Цесаре-

¹⁾ Не настолько простодушенъ.

²⁾ Княземъ Н. Н. Голицынымъ? П. Б.

³⁾ Современнаго строя.

⁴⁾ Что слово конституція даже произносить не надо.

вичу, отчасти по моему предложенію, отчасти *propria motu*, *les pièces des procès*¹⁾). Въ виду настроенія я не входилъ ни въ какія подробности. Всетаки дѣло пошевелилось. Увидимъ, что будетъ далѣе.

11 Января. Вчера послалъ къ Государю часть моей переписки съ княземъ Урусовымъ 1866 г., предварительно спросивъ на то согласіе князя Урусова и съ нимъ объяснившись. Онъ колеблется, не смотря на то, что самъ мнѣ сказалъ за обѣдомъ у Государя, 10-го Декабря, въ тотъ самый день, когда я напомнилъ Его Величеству о моей запискѣ 1863 г., „*qu'il ruminait sans cesse mes idées d'alors*²⁾).

15-го Января. Нездоровъ. Второй день не выѣзжаю. Вчера за мной присылалъ Великій Князь ген.-адмиралъ, и когда я написалъ ему, что не могу быть, то онъ просилъ прислать его записку 1866 г. Слѣдовательно Государь съ нимъ говорилъ. Сегодня ко мнѣ заѣзжалъ Маковъ и сказалъ, что Великій Князь съ нимъ вчера заговорилъ о той же запискѣ. Государь имѣетъ въ виду нѣчто къ 19 Февраля и намекнулъ объ этомъ и Дрентельну, который довольно наивно предложилъ даровать какія-то облегченія полицейскимъ поднадзорнымъ. Государь отозвался, что „пожалуй; но это особо, а дѣло въ другомъ, и онъ насъ соберетъ для совѣщанія“. Сегодня Государь прислалъ меня звать къ обѣду. Вѣроятно, онъ имѣлъ что нибудь и мнѣ сказать по этому предмету; но я извинился. Кое-что непременно сбудется, если рѣчь идетъ о 19 Февраля, и я не безъ основанія на то рассчитывалъ 10-го Декабря. Но что именно? Знаю, что со всѣхъ сторонъ будутъ стараться урѣзывать. Князь Урусовъ мнѣ сказалъ: *qu'il est effrayé de mon courage etc*³⁾. Отвѣчалъ: *que si courage il y avait, c'était dans mes écrits de 1863 et 17 années de silence, mais que pour le moment j'étais simplement at bag*⁴⁾).

18 Января. Вчера былъ у Великаго Князя г.-адм. Разговоръ о моей запискѣ 1863 и его 1866 годовъ. Онъ выпытывалъ, съ чего теперь началось движеніе. Убѣдившись, что отчасти толчекъ данъ былъ мною, онъ очевидно желалъ заключить со мною союзъ на дальнѣйшее дѣйствіе. Я уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указаній Государя и предстоящаго у него совѣщанія.

¹⁾ По собственному побужденію. Бумаги о ходѣ дѣлъ.

²⁾ Что онъ безпрестанно пережевывалъ мои тогдашнія мысли.

³⁾ Что онъ испугался моей отваги и т. д.

⁴⁾ Что если тутъ была отвага, то въ томъ, что я писалъ въ 1863 году и въ 17 годахъ молчанія; теперь же я просто былъ натолкнутъ (*at bag*)—охотничье выраженіе, слово въ слово: къ сумкѣ. П. Б.

Обѣдалъ у Его Величества съ Гурко, Дрентельномъ, Зуровымъ, Павломъ Шуваловымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ*). Государь сказалъ мнѣ, что князь Урусовъ совѣтуетъ ничего не дѣлать. Многого нельзя; малое, по его мнѣнію, не удовлетворить. Я отвѣчалъ, что дѣло такъ важно, что всетаки желательно, чтобъ оно было въ присутствіи Его Величества обсуждено. Государь съ этимъ согласился. Я сказалъ ему, что меня къ себѣ требовалъ ген.-адмиралъ, и испросилъ дозволеніе ему сообщить мои записки, что также разрѣшено. Возвратясь домой, послалъ бумаги къ великому князю г.-адмиралу. Кризисъ по этому радикальному вопросу наступаетъ.

19 Января. Государь, возвращая мнѣ нѣкоторыя бумаги, приписалъ, что просить къ себѣ въ Понедѣльникъ. Кризисъ у порога.

20 Января. Ген.-адмиралъ уже вчера возвратилъ мнѣ мои записки и благодарилъ за сообщеніе.

22 Января 1880 г. Вчера совѣщаніе у Государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми коридорными дверьми въ библиотечку. На лицо были: два Великихъ Князя, князь Урусовъ, Дрентельнъ, Маковъ и я. Государь предложилъ общій вопросъ на обсужденіе. В. К. ген.-адмиралъ прочиталъ свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу дѣла; но то и другое въ обычномъ полу-арлекинскомъ тонѣ. Была рѣчь о бессловности, и о реформахъ, и о чисто-Русскихъ, а незаграничныхъ началахъ, и объ Англійской конституціи, и о земствѣ, и о будто бы въ прежнее время раздражившемъ дворянство крестьянскомъ освобожденіи, и пр. и пр. Князь Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что Государь съ самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и предоставляетъ его обсуждать предварительно между нами. Я высказался въ свою очередь, преимущественно съ точки зрѣнія необходимости (въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ) положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція Цесаревича имѣла видимое вліяніе на князя Урусова и

*) Т. е. съ Маковымъ. П. Б.

Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось. Положено вновь быть у Государя 29 Января, въ 11 часовъ, а между тѣмъ намъ собраться у В. К. г.-адмирала завтра 23 Января.

Возвратясь домой, я написалъ Макову и князю Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во 1-хъ потому что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во 2-хъ потому что оно попало въ руки ген.-адмирала. Мнѣ выйдете, для будущаго, отступить, чѣмъ быть отбитому. Общее впечатлѣніе тягостное даже для меня, хотя я давно знаю моихъ собесѣдниковъ. Они оказались еще гораздо ниже общаго уровня, кромѣ Дрентельна, который въ такихъ дѣлахъ новъ и отъ котораго я ничего кромѣ инстинктивной робости ожидать не могъ. Въ князѣ Урусовѣ особенно беззащитно обнаружился лакеизмъ, а въ Маковѣ необтесанная ограниченность взгляда. Дивлюсь тому, какъ никто не замѣчаетъ опасности слишкомъ явнаго признанія въ правительственномъ эгоизмѣ. Быть можетъ, это и къ лучшему. При такихъ элементахъ и направленіи дѣла В. К. ген.-адмираломъ, успѣхъ вообще становится невозможнымъ. Судьбы сбываются! Быть можетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ, нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась. Сегодня въ Комитетѣ Министровъ одинъ изъ членовъ говорилъ, рассуждая съ большимъ aplomb¹⁾, какъ столоначальникъ; другой излагалъ *ore rotundo*²⁾ соображенія, къ дѣлу не относившіяся. Обыденныя явленія.

23 Января 1880 года. Утромъ въ Мраморномъ дворцѣ я заявилъ В. Князю, что, въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единомыслія, я считаю мои предположенія неосуществимыми въ настоящее время и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсужденія отказываюсь. При этомъ случаѣ, однако-же, напомнилъ ему, à propos³⁾ его руссизмовъ, о вѣчахъ, о соборахъ, о Боярской думѣ, и сказалъ, что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая Русскія начала только со времени Екатерины или кодификаціи графа Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія Европейскія и общечеловѣческія начала (это относилось къ тому, что онъ, г.-а., Русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ никогда не примѣнявшихся статьяхъ Свода Законовъ, о выборѣ депутатовъ на случай и пр.). Маковъ, Дрентельнъ и князь Урусовъ, каждый на свой ладъ, также выразили отрицательное, по

1) Самоувѣренностью.

2) Во всеуслышаніе.

3) Кстати.

главному вопросу, мнѣніе. Тогда *Monseigneur s'est rabattu*¹⁾, опять со всевозможными ему свойственными ужимками и нескладными оборотами рѣчи, на простое распространіе вышеупомянутыхъ статей Свода Законовъ, на земство и, главное, городѣ. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ дѣла нельзя приурочивать къ 19 Февраля, а слѣдуетъ дать ему общій законный ходъ въ законодательномъ порядкѣ. В. К. г.-а. заявилъ, что онъ именно этого и желалъ!! Положено возвратиться ко всему этому послѣ завтра, въ присутствіи Цесаревича, который сегодня быть не могъ. Государыня Императрица сегодня возвратилась въ С.-П.Б. *Donc, elle n'est pas alitée*²⁾.

На лицо было, сверхъ вчерашнихъ, но безъ военнаго министра, графъ Лорисъ-Меликовъ, ген. Гурко, Набоковъ и Черевинъ. Воля Государя объявлена внезапно для всѣхъ. Генераль-губернаторство упраздняется, и ген. Гурко *s'est exécuté*³⁾ съ большимъ достоинствомъ. Неожиданность впечатлѣнія выразилась на всѣхъ лицахъ. *De facto* ступевываается III-е Отдѣленіе, но и генераль Дрентельнъ *s'est exécuté de bonne grâce*⁴⁾. При графѣ Лорисѣ дѣло можетъ пойти. Во всякомъ случаѣ на публику будетъ произведенъ эффектъ.

Само собою разумѣется, что я у Великаго Князя (проэктора адресовъ) не былъ. Весь городъ толкуеть о томъ, что онъ 5-го Февраля⁵⁾ уѣхалъ ночевать въ Кронштадтъ.

25 Января 1880 г. Засѣданіе у В. К. ген.-адмирала привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть не эскамотировалъ на то согласіе Цесаревича, на этотъ разъ присутствовавшего, и промолчаніе другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его *tour de*

1) Его Высочество заговорилъ другое.

2) Стало быть, она не въ постели.—Графъ А. В. Адлербергъ перевезъ больную Государыню изъ Санъ-Ремо въ Петербургъ. По мысли А. Ф. Аксаковой, какъ только поѣздъ выѣхалъ въ Россію, въ церквахъ служили заздравныя молитвы. Съ вокзала до Зимняго дворца карета нагрѣлась особо приспособленною печкою. Страдалица прожила еще до 22 Мая этого 1880 года. П. Б.

3) Покорился.

4) Покорился охотно.

5) День взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, когда погибло около 20 человекъ рабочихъ. 5-е Февраля, обыкновенно Великій князь Константинъ Николаевичъ съ сыновьями ѣздилъ въ Кронштадтъ на какой-то праздникъ. Говорятъ, что утромъ 6-го онъ, созвавъ къ себѣ населеніе Мраморнаго дворца, онъ сказалъ: „ищутъ преступника, преступникъ этотъ—я“; и зарыдалъ. П. Б.

prestidigitation¹⁾). Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Князь Урусовъ, Маковъ, Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю. Забыть главнаго нельзя. Satis²⁾!

27 Января. Не смотря на „satis“, возвращаюсь къ бывшему совѣщанію: не могу *propudore*, отмѣтить одного *dictum* Цесаревича. Онъ самъ, вѣроятно, не желалъ кого бы то ни было обидѣть; но слова, имъ произнесенныя, тѣмъ не менѣе были обидны. А ген.-адмиралъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ нынѣшнее исключительное положеніе дѣлъ въ генераль-губернаторствахъ, отозвался такъ: „конечно, при такой *дичи* все невозможно!“ Но эта „дичь“—мѣры принятыя по высочайшему повелѣнію его державнаго брата! Все невозможно не потому, что въ наше время приняты тѣ или другія исключительныя мѣры, а потому, что во главѣ правительства могутъ происходить такія совѣщанія при такихъ участникахъ.

30 Января 1880. Вчера похоронена вновь (надолго-ли, не угадываю) мысль 1863 года. На совѣщаніи у Государя, на этотъ разъ при участіи министра двора, ей прочитана краткая отходная, съ тѣми же оттѣнками, которые обнаруживались при предшедшихъ совѣщаніяхъ. Вечеромъ видѣлъ Грейга, который рассказывалъ, что военный министръ хотѣлъ вооружить наши крѣпости и учредить нѣчто въ родѣ наблюдательнаго и развѣдочнаго кордона вдоль Прусской границы,—въ ожиданіи внезапнаго Германскаго нападенія. При этомъ уже весьма неосторожно всполошились второстепенные Германофобы, въ родѣ д. т. с. Качалова, полковника ген. шт. Боголюбова и т. п. Et cela s'appelle un *gouvernement*³⁾! Вчера утромъ написалъ въ Берлинъ Сабурову о томъ *déplorable courant qui nous pousse à des complications avec l'Allemagne*⁴⁾. Сегодня, 30 Января 1880 г., получилъ письмо отъ Блейхредера изъ Берлина, который ожидаетъ къ 19 Февраля учрежденія у насъ „*Eines erweiterten Reichsraths mit Representation-system*“⁵⁾. Откуда до него дошли эти вѣсти, впрочемъ, весьма здѣсь распространенныя? Мое имя постоянно къ нимъ приурочивается.

1880 г. Февраль 2. Постоянные толки о предстоящемъ юбилеѣ. Мнѣ все кажется, что вмѣсто празднествъ онъ пахнетъ панихидой. Императрица гаснетъ, и вообще дѣла не имѣютъ юбилейнаго характера.

1) Фокусы.

2) Довольно!

3) И это называется правительствомъ.

4) Прискорбномъ направленіи, толкающемъ насъ къ осложненіямъ съ Германіей.

5) „Расширеннаго Государственнаго Совѣта“ съ системою представительства.

6 Февраля. Взрывъ произведенъ въ Зимнемъ дворцѣ. Полуголовые, въ родѣ *Абазы*, горько глумятся надъ полиціями, какъ будто глумленіе есть дѣйствіе въ критическія минуты, и какъ будто не эти же полуголовые либералы не такъ-то давно сами пѣли диѳирамбы великимъ реформамъ, Болгарской войнѣ и давали деньги на нашу революціонную магистратуру, но отказывали въ нихъ полиціи, и старались ее всячески унижить и обезславить. Видѣлъ ген. Дрентельна и Гурко. Оба какъ будто зрители того, что происходитъ. А одинъ—шефъ-жандармовъ, другой полномочный генераль-губернаторъ и командующій войсками.

Безуспѣшность борьбы съ революціонной крамолой лежитъ солидарно на отвѣтственности министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи нар. просвѣщенія и на III-мъ Отд. съ его жандармами. Отвѣтственность за размѣры крамолы и ея глубокіе корни принадлежитъ всему правительству, быть можетъ кромѣ меня одного.

8-го Февраля 1880. Обѣдалъ у Дурновыхъ. Сегодня утромъ продолжительное, но почти безрезультатное совѣщаніе у Государя при Цесаревичѣ (министръ внутреннихъ дѣлъ, военный, двора, шефъ жандармовъ и я). Маковъ довольно опрометчиво затронулъ при своемъ докладѣ, вопросъ объ упраздненіи здѣшняго генераль-губернаторства, т. е. въ существѣ его мысли генерала Гурко, съ которымъ онъ, Маковъ, не справляется. Государь послалъ за нами. Оказалось, что онъ менѣе подался на предположеніе, чѣмъ Маковъ воображалъ. Цесаревичъ предлагалъ невозможную верховную слѣдственную комиссію съ диктаторскими на всю Россію распространенными компетенціями, что было бы равносильно только упраздненію *de facto* III-го Отдѣленія и шефа-жандармовъ и вообще всѣхъ другихъ властей, нынѣ вѣдающихъ политическія дѣла; при томъ *de jure* установилось бы прямое главенство самаго Государя надъ слѣдственнымъ диктаторствомъ Комиссіи и ея предсѣдателя. Вѣроятно подразумевался *Треповъ*, и едва-ли не онъ родоначальникъ мысли. Государь ее отклонилъ.

Маковъ чрезвычайно разстроены. Баласта мало. Легковѣрной увѣренности повидимому было немало.

9 Февраля 1880. Утромъ опять приказаніе быть во дворцѣ. Переѣзжаю во взглядахъ Государя (какъ догадывается графъ Адлербергъ, вслѣдствіе письма, вчера полученнаго отъ Цесаревича). Учреждается здѣсь верховная комиссія, и во главѣ ея графъ Лорисъ-Меликовъ.

11-го Февраля утромъ написалъ и отправилъ къ Государю записку съ краткимъ изложеніемъ основаній устройства Верховной Комиссіи.

Государь прислалъ тотчасъ за мной и въ присутствіи Цесаревича прочиталъ снова мою записку. Она одобрена вполнѣ, и я замѣтилъ, что Цесаревичъ былъ ею удовлетворенъ.

13 Февраля Государь на охотѣ въ Лисинѣ. Утромъ, вслѣдствіе сдѣланнаго вчера въ Комитетѣ Министровъ ген. Дрентельномъ напраснаго предложенія объ отмѣнѣ солянаго налога „для впечатлѣнія на народъ, въ виду взрыва 5 Февраля“ (!), написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ объяснилъ мое вчерашнее молчаніе личнымъ къ нему уваженіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлительно высказался на счетъ системы *правительственнаго подкупи правительствуемыхъ* и старался доказать ея лживость. Я упомянулъ о нашемъ упорномъ побѣдѣ дѣлать Русскій народъ на двѣ части: бѣлый и черный, на тщетность усилій *ему* сулить *копѣйки*, когда газеты и агитаторы ему сулятъ гораздо болѣе, потому что сулятъ чужіе рубли. Я указывалъ на несообразность искать опоры въ тѣхъ самыхъ массахъ, на которыя рассчитываютъ и анархисты. Далѣе окажется, что цѣною этой же самой многомилліонной для государства жертвы г. Абаза купилъ себѣ портфель министра финансовъ при маклерствѣ графа Лорисъ-Меликова. (С.-Пб. 30 Декабря 1881 г.).

16 Февраля 1880. Маковъ сегодня передалъ мнѣ слѣдующій отзывъ Государя о здѣшнемъ губернскомъ предводителѣ, графѣ Бобринскомъ: „Это отродье Шувалова, пустое и фальшивое!“ Гдѣ временно Pierre IV? Problème à résoudre: trouver un compensateur¹⁾.

18 Февраля. Въ Комитетѣ Министровъ родъ сцены по случаю комбинированной атаки Абазы и графа Баранова, *in forma innocentis*²⁾, противъ Посѣта. Къ атакѣ присоединился, не замѣчая бѣлой нитки, (Анненковъ, Нелидова) министръ финансовъ. Предлогомъ къ этому былъ частный вопросъ о пособіи желѣзной дорогѣ. Не безъ труда удалось *vider l'incident*³⁾. Онъ очевидно не входитъ въ свою роль, а видитъ предъ собою другую—устроителя по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

19 Февр. 1880. Мнѣ пожалованъ графскій титулъ.

Перетцу (?!!) Александровская лента!

1) Рѣшить загадку: найти замѣстителя.

2) Въ невинной формѣ.

3) Покончить съ приключеніемъ.

26 Февр. Утромъ въ Аничковомъ дворцѣ. Обычныя явленія и обычное неприличіе завтрака *безъ* хозяевъ.

27-го. Не догадываюсь, кто, кромѣ Каханова lui (Лорису-М.) *souffle certains noms et peut-être certains choses*¹⁾?

23 Февраля 1880.

Передъ обѣдомъ былъ у меня губерн. предводитель графъ Бобринскій. Объясненіе по представленному дворянствомъ письму и по *griefs*²⁾ противъ Министр. Народнаго Просвѣщ. Цѣлый день дома. Получилъ чрезъ Макова порученіе Государя разобрать втроемъ съ нимъ и графомъ Толстымъ, на сколько основательны жалобы здѣшняго губернскаго предводителя дворянства на министра народнаго просвѣщенія (22 Февраля 1880).

Мысль покойнаго Государя, если ему не подсказанная, то отчасти въ немъ возбужденная нынѣшнимъ Государемъ, заключалась собственно въ учрежденіи высшей и общей слѣдственной и исполнительной комиссіи по дѣламъ государственной охраны. Доказательствомъ служитъ то, что при первоначальномъ объясненіи Маковъ и я предполагали, что имѣлся въ виду для начальства въ комиссіи г.-а. Треповъ. Когда Государь Александръ II-ой, въ совѣщаніи 9-го Февраля, назначилъ графа Лорисъ-Меликова, я тотчасъ созналъ возможность дѣйствительнаго сосредоточенія въ однихъ рукахъ высшаго веденія всѣхъ дѣлъ охраны Государя и государственной безопасности; но дѣло тотчасъ приняло направленіе съ этимъ текстомъ несогласное. Свойственная у насъ многимъ и весьма многимъ умственная лѣнь постоянно предрасполагаетъ къ выбору простыхъ и потому вообще грубыхъ средствъ для достиженія правительственныхъ цѣлей. Ничего нѣтъ проще, какъ положиться на *одну* силу вмѣсто нѣсколькихъ и ожидать отъ одного лица (подъ условіемъ предоставленія ему неопредѣленныхъ и всегда болѣе или менѣе призрачныхъ полномочій) разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя совокупными силами правительственнаго организма не были разрѣшены. Отъ побѣдителя Карса можно было ожидать энергическаго направленія дѣйствій всѣхъ административныхъ властей по части борьбы съ такъ называемой крамолой; но конечно нельзя было въ немъ чаять знатока всѣхъ отраслей государственнаго управленія и энцикло-

¹⁾ Нашептываетъ ему нѣкоторыя имена, а, быть можетъ, и нѣкоторыя вещи?

²⁾ Обидамъ.

педическаго преобразователя современнаго строя Россіи. Тѣмъ не менѣ дѣло было со дня на день поставлено именно на эту почву. Самъ Лорисъ Меликовъ, въ чаду выпавшаго ему на долю случая, подъ вліяніемъ непривычной ему салонной лести и по наущенію своихъ главныхъ эгерій, г.г. Абазы и Каханова, вообразилъ, что энциклопедическая задача ему по плечу и что для разрѣшенія ея нужно было только пріобрѣсти личную популярность, хотя бы и самыми неразборчивыми средствами. Новый начальникъ началъ съ заискиванія лести С.-П.-бургскихъ газетъ, съ дискредитированія того самаго правительства, къ составу котораго онъ принадлежалъ, и съ заботы о поднадзорныхъ участникахъ той крамолы, которую онъ былъ призванъ побороть. Его эгеріи (Абаза и Кахановъ) имѣли свои виды. (С.-П.б. 30 Дек. 1881 г.).

*

Графъ Валуевъ лицо не только достопамятное, но и необыкновенное въ отношеніи психологическомъ. Онъ внукъ того Кошелева, который жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ, пользуясь милостію Императора Александра Павловича и приводя въ исполненіе негласныя его порученія. Онъ племянникъ той камерфрейлины Валуевой, которая сопровождала Императрицу Елисавету Алексѣевну въ ея путешествіяхъ и на рукахъ которой скончалась Государыня. Валуева привезла изъ Белева Записки Елисаветы Алексѣевны (она не успѣла исполнить своего обѣщанія о доставленіи Карамзину этихъ Записокъ). Очевидно, что это была женщина умная и наблюдательная. На племянника своего она должна была дѣйствовать указаніями и совѣтами. Мать графа была красавица Фелькерзамъ, а первая супруга—княжна Прасковья Петровна Вяземская, которой отношенія къ нему изображены графомъ Л. Н. Толстымъ въ „Аннѣ Карениной“. Тесть вѣроятно дѣйствовалъ на него благотворно. Трудолюбіе и начитанность у графа Валуева были чрезвычайныя, но въ службѣ своей онъ долго не пользовался ни сочувствіями, ни даже уваженіемъ, что проистекало, можетъ быть, отъ его привычки говорить долгія рѣчи; такъ напр. когда, по дѣламъ „Русскаго Архива“, долженъ былъ я ему представляться, продержалъ онъ меня около получаса, говоря про мое изданіе со стороны положительной (при чемъ сказалъ, что Государю Императору угодно, чтобы какъ можно строже смотрѣли за всѣмъ, что будетъ въ печати про Александра Павловича), и со стороны отрицательной. Валуевъ написалъ романъ, который немногими былъ читанъ, и никто не ожидалъ, чтобы онъ могъ вести дневникъ дѣльный, очень разумный и даже съ предвѣщательными замѣтками, какъ напр. въ одномъ изъ отрывковъ его дневника въ „Русской Старинѣ“ онъ прямо пророчествуетъ злосчастную гибель Александра Николаевича.

Мы должны также пѣнить его рѣдкое безкорыстіе. Когда онъ уже былъ въ отставкѣ, привезено было изъ заграницы тѣло его первой тещи княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской; на отпѣваніи онъ смиренно стоялъ все время при самомъ входѣ въ церковь у свѣчнаго ящика и уѣхалъ домой на плохомъ извозчикѣ. Говорили, что онъ вынужденъ былъ даже продавать свои вещи и книги.

Не даромъ С. А. Соболевскій любилъ съ нимъ бесѣдовать и высоко цѣнилъ его.

П. Б.

